

#1 NEW YORK TIMES – BESTSELLING AUTHOR

МЭРИ ХИГГИНС КЛАРК

МЕЛОДИЯ
ВСЕ ЗВУЧИТ

Annotation

Лейн Хармон – первая помощница знаменитого на весь Нью-Йорк дизайнера интерьеров. Она работает лишь с самыми богатыми и амбициозными клиентами – такими, как семья фондового магната Паркера Беннета. Сам Беннет, уличенный два года назад в построении финансовой «пирамиды», бесследно исчез, то ли совершив самоубийство, то ли инсценировав его. Его жена и сын переехали в место поскромнее и теперь хотят отделать новую квартиру. Лейн начинает работу над интерьером. Она еще не знает, что ее положение в доме собирается использовать ФБР. Федералы не верят в самоубийство Беннета и считают, что его семья в курсе местонахождения преступника, но покрывает его. И агентам только на руку, что сын Беннета, Эрик, положил глаз на молодую красивую дизайнершу...

Мэри Кларк

Мелодия все звучит

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

В память Джун Крэбтри, дорогой подруги со времен учебы в школе Вилья-Мария, с любовью

Благодарности

И вновь рассказана история. В нашем случае – окончена песня.

Как обычно, это путешествие доставило мне радость. Я счастлива вывести слово «Конец», но в то же время испытываю некоторое сожаление из-за этого. Я очень привязалась к персонажам этой книги. Предоставляю вам догадаться, к кому из них я не испытываю привязанности.

Как обычно, были и те, кто прошел этот путь со мной. Снимаю перед ними шляпу в знак глубокой признательности, которую адресую:

– Во-первых, конечно же, моему неизменному редактору, бывшему таковым на протяжении многих лет, – Майклу Корда. Быть с ним в одной рабочей команде – благословение свыше.

– Мэрисю Руччи, главному редактору «Саймон и Шустер», – за ее мудрые поправки и советы.

– Элизабет Бриден – за ее прилежание и терпение в течение всего процесса редактирования.

– Художнице Джеки Сео – за неотразимые рисунки для обложки.

– Эдду Борану, бывшему агенту ФБР и нынешнему президенту Фонда помощи семьям морских пехотинцев и полицейских, который был моим наставником, когда я старалась узнать, как бы ФБР расследовало преступление, подобное тому, что описано в книге.

– Дизайнеру интерьеров Ив Ардиа, которая рассказала мне, как потратить пять миллионов долларов на отделку и обстановку апартаментов.

– Надин Петри, моей ассистентке и правой руке на протяжении последних семнадцати лет.

– Рику Кимболлу – за его совет относительно того, как перемещать большие суммы денег подальше от бдительных глаз.

– И наконец, моей семейной группе поддержки: великолепному супругу Джону Конхине за его неизменную готовность помочь; моим детям, которые всегда готовы прийти на помощь, если мне нужны их комментарии к паре-тройке глав. Особенно они полезны, когда указывают, что выражение, которое я использую, для нынешнего поколения не несет смысловой нагрузки. *Tempus fugit*^[1], и все такое!..

Приятного чтения вам всем.

Мэри Хиггинс Кларк

Тридцатилетняя Элейн Марша Хармон быстрой походкой преодолевала расстояние в пятнадцать кварталов от своей квартиры на Восточной 32-й улице в Манхэттене до небоскреба «Утюг» на перекрестке 23-й улицы и Пятой авеню, где она работала ассистенткой декоратора интерьеров. На ней было теплое пальто, но перчаток она не надела – и, видимо, зря. Раннее ноябрьское утро выдалось довольно холодным.

Длинные золотисто-каштановые волосы ее были скручены в жгут и заколоты на затылке, и лишь отдельные волоски, выбившиеся из прически, щекотали лицо. Элейн была высокой, в отца, и худощавой, как ее мать. Закончив колледж, она решила, что учительская работа ее не прельщает, и поступила в Институт моды и технологии. После окончания обучения ей предложила работу Глэди Харпер, специалистка по декорации интерьеров, клиентами которой были богатые и социально успешные люди.

Элейн всегда шутила, что ее называли в честь двоюродной бабушки по отцу, бездетной вдовы, считавшейся весьма состоятельной. Проблема была в том, что тетушка Элейн Марши, любительница животных, большую часть своих денег оставила различным приютам для кошек и собак и очень мало завещала своим родственникам.

Лейн объясняла вопрос своего имени так: «Элейн – очень милое имя, как и Марша, но я никогда не чувствовала себя Элейн Маршей». В детстве она случайно решила эту проблему, неправильно произнося свое имя как «Лейн», и так оно осталось с тех пор.

По какой-то причине это все пришло ей в голову, когда она шла от Второй авеню до Пятой, а потом до 23-й улицы. «Мне хорошо, – думала она. – Мне нравится быть здесь, сейчас, в эту минуту, на этом месте. Я люблю Нью-Йорк. Не думаю, что смогла бы жить где-то еще. По крайней мере, я этого не хотела бы». Однако вскоре ей, вероятно, придется обдумать вопрос переезда в пригород. Кэти в следующем сентябре пойдет в детский сад, а частные сады в Манхэттене слишком дороги для Лейн.

Эти размышления заставили ее ощутить знакомый укол боли. «О, Кен, – подумала она. – Если б ты только был жив!» Решительно отбросив воспоминания прочь, она открыла двери небоскреба «Утюг» и поднялась на лифте на четвертый этаж.

Хотя было только без двадцати девять, Глэди Харпер уже была в офисе, как и предполагала Лейн. Остальные работники – секретарь и бухгалтер – приходили без двух минут девять. Глэди не прощала опозданий.

Лейн остановилась у дверей в ее кабинет.

– Здравствуйте, Глэди.

Та подняла взгляд. Как обычно, ее серо-седые волосы выглядели так, как будто она не удосужилась их причесать. Одета Глэди была в черный свитер и брюки, подчеркивавшие худобу ее жилистой фигуры. Лейн знала, что гардероб начальницы набит точно такими же свитерами и брюками – свою страсть к дизайну, расцветкам и текстурам та приберегала исключительно для дизайна интерьеров жилых домов и офисов. Ей было шестьдесят лет, двадцать лет она состояла в разводе, друзья и подчиненные называли ее просто «Глэди». Один из поставщиков тканей как-то пошутил, что «glad-she's-not» было бы для нее более подходящим прозвищем^[2], – и это стоило ему крупного контракта.

Глэди не стала тратить время на приветствие.

– Входи, Лейн, – произнесла она. – Мне кое-что нужно с тобой обсудить.

«Что я сделала не так?» – спросила себя Лейн, но, подчиняясь приказу, вошла в кабинет и присела на один из старинных виндзорских стульев, стоявших перед столом Глэди.

– Мне пришел запрос от нового клиента, или, возможно, следует сказать – от старого клиента. Но я не уверена, хочу ли за него браться.

Лейн подняла брови.

– Глэди, вы всегда говорите: если вы чувствуете, что клиент будет сложным, значит, работа того не стоит.

«Не то чтобы ты сама была простой в этом отношении», – мысленно добавила она. Первое, что делала Глэди, когда бралась за дело, – проходила по дому со схемой и безжалостно избавлялась от всех предметов, которые считала хламом.

– Это нечто иное, – напряженным голосом ответила Глэди. – Десять лет назад я разрабатывала дизайн интерьера для особняка в Гринвиче, когда его купил Паркер Беннет.

– Паркер Беннет?! – Лейн вспомнила заголовки газетных статей о руководителе фонда, обманувшем своих клиентов на миллиарды долларов. Он исчез со своей яхты перед тем, как воровство было раскрыто. Считалось, что он совершил самоубийство, хотя его тело так и не было найдено.

– Да, но речь идет не совсем о нем, – продолжила Глэди. – Мне позвонил Эрик, сын Беннета. Правительство отобрало из имущества Паркера все, что могло, до единого цента. Теперь на продажу выставлен дом. То, что в нем осталось, не имеет никакой ценности, и жене Беннета, Энн, позволено забрать оттуда достаточно мебели, чтобы обставить квартиру. Эрик сказал, что его мать совершенно равнодушна ко всему, и попросил меня проделать для него эту работу.

– А есть ли ему чем заплатить вам?

– Он был очень искренен. Сказал, что читал, будто самым большим доверием, которое мне когда-либо оказывали, было указание, полученное мной от его отца: «Не смущайтесь никаких расходов». Он просил меня сделать это в благодарность за тот гонорар.

– А вы?

– А что бы ты сделала, Лейн?

Та поколебалась, потом решила выразить свое мнение прямо:

– Я видела фотографии этой несчастной женщины, Энн Беннет. Она выглядит как минимум на двадцать лет старше, чем на снимках в светской хронике, сделанных до того, как обман был раскрыт. На вашем месте я взялась бы за это.

Харпер поджала губы и уставилась в потолок. Это была ее обычная реакция в моменты напряженных раздумий, шла ли речь о точном оттенке каймы на занавесях или о решении наподобие нынешнего.

– Думаю, ты права, – произнесла наконец она. – И, несомненно, для того, чтобы подобрать мебель для квартиры, не понадобится много времени. Я так понимаю, это таунхаус, который находится в коттеджном районе Монклера в штате Нью-Джерси. Не так уж далеко от моста Джорджа Вашингтона. Полагаю, минут сорок суммарно. По крайней мере, путь не займет много времени.

Она оторвала листок бумаги от блока для пометок и протянула Лейн через стол.

– Вот номер телефона Эрика Беннета. Насколько я знаю, какой-то мелкий консультант по инвестициям время от времени поручает ему небольшие дела. Когда-то он отлично справлялся с работой в концерне «Морган Стэнли», но вынужден был уволиться после того, как все узнали, что натворил его дорогой папочка. Назначь ему встречу.

Лейн отнесла листок в собственный кабинет, села за стол и набрала номер. После первого же гудка ей ответил твердый звучный голос.

– Эрик Беннет слушает, – произнес он.

Неделю спустя Лейн и Глэди свернули с Меррит-аллеи под указатель, гласивший «Раунд-Хилл-роуд». Этот район считался одним из самых престижных в Гринвиче – который и сам по себе был одним из самых богатых городов Коннектикута. По шоссе 95 доехать было бы быстрее, но Глэди любила рассматривать из окна автомобиля стоящие у дороги особняки. Лейн сидела за рулем «Мерседеса» Глэди. Глэди решила, что «Мини-Купер» Лейн слишком скромнен, чтобы припарковаться на нем перед особняком Беннетов.

Большую часть поездки Глэди молчала. Лейн давно научилась с уважением относиться к этому молчанию. Если начальница захочет завязать разговор – она сама выберет для этого время. Лейн, давняя поклонница королевы Елизаветы, мысленно сравнивала этот обычай с тем, что она слышала о королеве. Недопустимо обращаться к ней до тех пор, пока она сама не начнет беседу.

Когда они свернули под указатель, Глэди сказала:

– Я помню, как впервые приехала сюда. Паркер Беннет купил этот огромный дом. Человек, который его строил, разорился до того, как успел въехать туда. Дизайн этого особняка – просто квинтэссенция дурного вкуса. Я привезла с собой архитектора, и мы совместно переделали интерьер. Боже мой, у них в кухне была стойка, выполненная в виде саркофага. А в столовой они намалевали свою версию фресок Сикстинской капеллы – подлинное оскорбление для Микеланджело.

– Если вы не только занимались декором интерьера, но и архитектурными изменениями, это должно было стоить целое состояние, – заметила Лейн.

– Это стоило огромных денег, но Паркеру Беннету было все равно. И почему это должно было его волновать? Он тратил не свои деньги.

Поместье Беннета располагалось у залива Лонг-Айленд. Огромный дом из красного кирпича с белой отделкой был виден с дороги. Когда машина свернула на подъездную дорогу. Лейн заметила, что кустарник вдоль обочин не подстрижен, а лужайка завалена опавшей листвой.

Судя по всему, Глэди отметила то же самое.

– Полагаю, что садовник уволился одним из первых, – сухо прокомментировала она.

Лейн припарковалась на повороте подъездной дороги, и вместе с Глэди они поднялись на крыльцо. Массивная дубовая дверь отворилась, как только Лейн коснулась кнопки звонка.

– Спасибо, что приехали, – сказал Эрик Беннет.

Пока Глэди отвечала на его приветствие, Лейн изучала Беннета-младшего. Мужчина, обладающий столь впечатляющим голосом, был среднего роста и такого же среднего телосложения. На четырехдюймовых каблуках Лейн была с ним почти одного роста. Его светлые волосы изрядно поседели, но еще не начали редеть. Глаза у него были светло-карие. Изучив все, что смогла найти, по делу Беннета, Лейн осознала, что Эрик был более молодой версией своего отца – приветливого, милого человека, который обманывал других, отнимая у них накопленные ими деньги.

Глэди представила их друг другу.

– Моя ассистентка Лейн Хармон. А это Эрик Беннет, но ты, вероятно, уже догадалась об этом.

В ее тоне прозвучала ирония. Беннет коротко улыбнулся.

По своему обыкновению Глэди перешла прямо к делу.

– Ваша мать сейчас здесь, Эрик?

– Да. Она спустится через пару минут. У нее сейчас парикмахер.

Лейн помнила, что Энн Беннет больше не желают видеть в салоне, клиенткой которого та была много лет. Слишком много других клиентов выразили резкое нежелание общаться с нею, потому что их родные стали жертвами алчности Паркера Беннета.

Большой вестибюль производил впечатление заброшенности. Симметричные изогнутые лестницы вели на балкон, где вполне можно было разместить оркестр. На стенах вестибюля виднелись отверстия.

– Я вижу, драпировки сняты, – отметила Глэди.

– О да, верно, и за те годы, что они висели здесь, их стоимость увеличилась на двадцать процентов. Оценщик был ими доволен – равно как и картинами, которые вы приобрели для моего отца. У вас верный глаз, Глэди.

– Естественно. Я просмотрела виртуальную модель таунхауса в Нью-Джерси, который вы купили для своей матери, Эрик. Он весьма неплох. Мы можем придать ему изрядную долю шарма.

Лейн было понятно, что за тот год, что Глэди работала над особняком, у нее сложились вполне дружеские отношения с Эриком Беннетом. И сейчас Глэди в своей обычной стремительной манере начала обход первого этажа.

Расположенное слева от вестибюля помещение с высоким потолком явно было тем, что большинство людей назвали бы гостиной, но Глэди поименовала его «салон». Окна с изящными арочными проемами выходили на обширные земли поместья, расположенные позади особняка. Вдали Лейн разглядела крытый плавательный бассейн и домик при нем, представлявший собой миниатюрную копию особняка.

«Наверняка этот бассейн просто олимпийских размеров, – подумала она. – И держу пари, он наполнен морской водой».

– Я смотрю, отсюда вынесли всю антикварную и сделанную на заказ мебель, – едко отметила Глэди.

– Еще один повод воздать должное вашему хорошему вкусу, Глэди. – На этот раз Лейн показалось, что в тоне Беннета прозвучала нотка горечи. Глэди не ответила на комплимент.

– В любом случае мебель из малой комнаты для отдыха куда лучше подойдет для нового таунхауса. Давайте взглянем на эту комнату.

Они прошли через роскошную столовую. Как и салон, она полностью была лишена мебели. По пути в дальнюю часть особняка Лейн увидела помещение, ранее явно бывшее библиотекой. Теперь там остались только полки из красного дерева.

– Я помню коллекцию книг, собранную вашим отцом, – обронила Глэди.

– Да, и он начал собирать ее задолго до того, как основал свой инвестиционный фонд, но, похоже, для правительства это не имело значения. – На этот раз тон Беннета вновь звучал небрежно. – Честно говоря, я хочу, читая книгу, иметь возможность держать ее в руках и не запятнать при этом ни золоченый обрез, ни иллюстрации. – Он бросил взгляд на Лейн. – Вы согласны?

– Целиком и полностью, – сочувственно ответила она.

Глэди показывала ей снимки комнат особняка, сделанные после завершения работ над интерьером. Каждая комната была обставлена в своей уникальной цветовой схеме, и в общем это создавало эффект уюта и очарования.

Но теперь в доме не было ничего очаровательного или уютного. Он казался нежилым, более того – брошенным. На полках книжных шкафов лежал тонкий слой пыли.

Они продолжали идти через особняк. Слева показалась симпатичная комната, в которой по-прежнему стояли удобные кресла и диван, круглый кофейный столик со стеклянной столешницей и пара раскладных столов красного дерева. Занавеси с цветочным узором были подобраны в тон обивке мебели. На стенах висели репродукции Моне в рамках, ковер в мягких зеленых тонах дополнял эффект уюта.

– Это была комната отдыха для слуг, Лейн, – пояснил Эрик Беннет. – Из нее был отдельный выход на кухню. До прошлого года у нас было шесть человек прислуги.

– Мебель отсюда мы можем перевезти в новый таунхаус, – сказала Глэди. – Она еще лучше, чем мне запомнилось. Думаю обставить ею комнату для отдыха на первом этаже. Из гостевой спальни можно взять двуспальную кровать. Та, что стоит в хозяйской спальне, слишком велика для таунхауса. То же самое сделаем для двух других спален. Если верить моим записям, стол, стулья и буфет из комнаты для завтрака вполне сойдутся для столовой. Кстати, ваша мать все-таки спустится сюда или же мы можем подняться наверх?

«Если и можно охарактеризовать Глэди одним словом, это будет “решительность”, – подумала Лейн. – Я рада, что она намерена подняться наверх, а то я уже начала думать, что она собирается работать по фотографиям. А я хотела бы взглянуть на остальные комнаты».

– Кажется, я слышу, как мама спускается по лестнице, – ответил Беннет и резко повернул назад. Глэди и Лейн последовали за ним обратно в переднюю часть дома.

Лейн видела фотографии Энн Нельсон Беннет в Интернете, когда искала по ее имени фотографию в «Гугле». Но теперь великолепная белокурая светская львица, чьим любимым модельером был Оскар де ла Рента, изменилась почти до неузнаваемости. Она болезненно исхудала, руки ее дрожали, и когда она заговорила с Глэди, голос ее прозвучал тихо и неуверенно:

– Мисс Харпер, как мило с вашей стороны, что вы приехали... С прошлого вашего визита сюда все несколько изменилось.

– Я знаю, насколько тяжелой оказалась для вас эта ситуация, миссис Беннет.

– Благодарю вас. А кто эта милая юная дама?

– Моя ассистентка, Лейн Хармон.

Лейн приняла протянутую руку и сразу же ощутила, какое слабое у Энн Беннет пожатие – как будто в ее пальцах вообще не осталось силы.

– Я намереваюсь приложить все усилия, чтобы ваш новый дом, миссис Беннет, стал красивым и уютным. Быть может, мы поднимемся наверх и я укажу, какую мебель намереваюсь выбрать для вас? – спросила Глэди.

– Да, конечно. Мне оставили то, что, по подсчетам оценщиков, на распродаже принесло бы лишь несколько долларов. Разве это не щедро? Эти деньги украл кто-то другой. Верно, Эрик?

– Мы докажем его невиновность, мама, – искренне произнес Эрик Беннет. – А теперь пойдемте наверх.

Сорок минут спустя Глэди и Лейн уже ехали обратно в Манхэттен. По пути Глэди отметила:

– Прошло почти два года с того скандального разорения. Но несчастная женщина по-прежнему выглядит так, как будто это потрясение только что обрушилось на нее. Что ты думаешь о портрете этого жулика, смотрящего на мир с благосклонной улыбкой? Я так

полагаю, что к моменту исчезновения Беннета краска едва успела высохнуть.

– Это очень хорошая картина.

– А чего еще можно было ожидать? Портрет писал Стюарт Кэннон, и, поверь мне, он взял за работу недешево. Но на аукционе никто не стал торговаться за эту картину, и ее оставили у Беннетов.

– Вы не думаете, что Паркер Беннет был обвинен ложно?

– Чушь.

– Но ведь пять миллиардов долларов исчезли абсолютно бесследно, так?

– Да. Бог весть, где Беннет ухитрился их спрятать. Не то чтобы это принесло ему хоть что-то хорошее. Тем более, если он мертв.

– А если он жив, его жена или сын могут знать, где он находится, как вы считаете?

– Понятия не имею. Но можно держать пари, что, если б у них даже был доступ к этим деньгам, они ни за что не решились бы расходовать их. Каждый цент, который они потратят до конца своей жизни, окажется под пристальным вниманием правительственных ястребов.

Лейн не ответила. Движение на Меррит-аллее становилось все более плотным, и Лейн хотела, чтобы Глэди думала, будто она целиком и полностью сосредоточена на управлении машиной.

Она знала, что Глэди была слишком занята прощанием с Энн Беннет, чтобы заметить, как Эрик Беннет пригласил Лейн поужинать вместе.

На следующий день после визита в особняк Беннетов Глэди огласила свое решение в обычной для нее манере. Царственным тоном поведав, какую мебель намеревается забрать из особняка Беннетов, она предоставила Лейн дальнейшую проработку скучных подробностей.

– Мы видели виртуальную модель таунхауса в Нью-Джерси, – решительно заявила Глэди, – но я хочу, чтобы ты отправилась туда, дабы прочувствовать обстановку. Я уже говорила: когда я завершила работу над декором десять лет назад, Энн Беннет сказала, что комната отдыха для прислуги – самое уютное помещение во всем доме. Поэтому, разместив в ее новом доме мебель оттуда, мы тем самым сделаем ей приятное. Я выбрала образцы краски для каждой из комнат, но прошу тебя посмотреть на месте и сообщить мне, подойдут ли цвета. Возможно, нам придется смешивать тона, чтобы добиться того оттенка, который я хочу получить.

Лейн улыбнулась про себя, подумав, что Глэди согласилась разок съездить в особняк Беннетов, но не собиралась больше тратить свое драгоценное время на этот проект, особенно если его можно проработать дистанционно.

Лейн также понимала, что проработка деталей этого проекта будет для нее чрезвычайно интересной задачей. Как и многие, она просмотрела все материалы о Паркере Беннете, появившиеся в средствах массовой информации, – начиная со статьи, извещавшей о том, что пять миллиардов долларов исчезли со счетов хваленого Инвестиционного фонда Беннета. Помимо нескольких состоятельных клиентов, Паркер Беннет принимал вклады в основном от представителей среднего класса, владельцев «малого бизнеса», зарабатывавших деньги в поте лица своего. Это сделало его преступление еще более отвратительным. Многие пожилые клиенты были вынуждены продать свои дома или квартиры, где намеревались пожить на пенсии. Другим – для кого отчисления от фонда были единственным источником дохода – пришлось переехать жить к своим детям, и взаимные обиды при совместном проживании часто приводили к разрывам в некогда дружных семьях. За этой финансовой катастрофой последовали четыре самоубийства.

– Чего ты ждешь? – поинтересовалась Глэди. – Мне нужно, чтобы ты вернулась к двенадцати. Вчера вечером мне позвонила графиня Сильвия де ла Марко. Когда-то она была «Салли Чико из Статен-Айленда» – до того, как окрутила несчастного старого графа, женив его на себе. Он умер года три назад, и, полагаю, ее траур уже завершен – если она его вообще соблюдала. Теперь графиня хочет полностью отделать заново свои апартаменты. Мы должны прибыть туда в двенадцать тридцать. Это будет долгое совещание. Я попытаюсь как-нибудь убедить ее отказаться от того, что в ее понимании считается хорошим вкусом. Она напомнила мне, что обедает рано, дав таким образом понять, что кормить нас она не собирается. Так что на обратном пути купи гамбургер в «Мак-Авто» и съешь его в машине.

Глэди опустила взгляд на гору бумаг, лежащих на ее столе. Это был сигнал о том, что Лейн уже следует быть на пути в Нью-Джерси. «Не проходить поле “Старт”. Не брать двести долларов», – подумала Лейн, выходя из кабинета Глэди. Это была одна из карточек с указаниями из любимой игры ее детства, «Монополии». Быстрым шагом она прошла через все еще темную приемную и вышла в коридор. Кроме нее, в лифте, спускавшемся на первый этаж, никого не было, но когда Лейн вышла в вестибюль, там уже толпился народ, спешащий

на работу. Первой в очереди к лифту стояла Вивиан Холл, секретарша из их офиса. Ей было шестьдесят два года, и она трудилась у Глэди уже десять лет – рекорд среди работников. У нее были пышные светло-каштановые волосы, она носила одежду четырнадцатого размера^[3], но была хорошо сложена – однако постоянно намеревалась похудеть.

Увидев Лейн, выходящую из лифта, Вивиан отошла в сторону, чтобы поговорить с ней.

– Как наша леди-дракон? – спросила она.

– Как обычно. – Лейн улыбнулась. – Я направляюсь в Нью-Джерси, чтобы взглянуть на новую квартиру миссис Беннет, и должна вернуться вовремя, чтобы вместе с Глэди отправиться в апартаменты графини де ла Марко.

– Добрая старая Глэди... – Вивиан покачала головой. – За восемь часов она готова выжать из тебя работы на все десять. Но, судя по всему, ты вполне с этим справляешься. Кстати, твой наряд мне нравится. Этот оттенок синего тебе очень к лицу.

Лейн ощутила, как в душе поднимается волна горечи. Кен тоже говорил, что этот цвет ей идет. Завтра у него был бы день рождения – тридцать шесть лет. Прошло пять лет с тех пор, как пьяный водитель врезался в их машину на аллее Генри Гудзона. Машина вылетела с дороги и несколько раз перевернулась. Кен погиб на месте от перелома шеи. Они были женаты всего год, и Лейн была на третьем месяце беременности. Конечно, у водителя-пьяницы не было страховки.

Каждый раз, когда ее охватывала тоска, Лейн думала о своей четырехлетней дочери Кэти, которую она в тот ужасный день так легко могла потерять.

Обо всем этом она размышляла, быстрым шагом идя через парковку.

Через десять минут Лейн въехала в тоннель Линкольна, ведущий из Манхэттена в Нью-Джерси. Полчаса спустя уже оказалась в коттеджном районе Монклера, где находился будущий дом Энн Беннет. «Симпатичный район», – подумала она, петляя по извилистым улочкам. Свернув на Сидар-драйв, Лейн поехала медленнее, высматривая номера домов, и в конце концов остановилась у дома номер двадцать один – точно такого же, как все соседние, стоявшие в едином тесном ряду. Фасад был сложен из серого камня, но большое окно, смотрящее в сторону улицы, несколько смягчало унылое впечатление. Вчера Глэди взяла у Беннетов один из ключей от таунхауса, и сейчас Лейн нашаривала его в кармане.

Не успела она открыть дверь, как из соседнего дома неожиданно вышел мужчина.

– Здравствуйте, – крикнул он, быстро проходя мимо общей подъездной дорожки, на которой стояла Лейн. – Вы новая владелица? Если так, то мы будем соседями. Я тоже только что купил тут домик. – Он протянул руку. – Энтони Руссо, но все зовут меня Тони.

– Лейн Хармон. – Отвечая на приветствие, Лейн окинула взглядом соседа Энн. Рост примерно шесть футов два дюйма, сине-зеленые глаза, светло-русые волосы, теплая улыбка. Хотя на дворе был ноябрь, его кожа сохраняла отменный загар – как у человека, который много времени проводит на открытом воздухе. На взгляд Лейн, ему было около тридцати пяти лет.

– Я не новая владелица, – ответила она. – Я работаю у дизайнера интерьеров, которая занимается этим домом.

Энтони улыбнулся.

– Я, наверное, мог бы воспользоваться ее услугами.

«Только не с ценами Глэди – разве что у тебя водятся большие деньги», – подумала Лейн.

– Я вас не задержу, – продолжил он. – Кто собирается въехать сюда?

– Наша клиентка по фамилии Беннет, – сказала Лейн. Она уже повернула ключ в замке. – Мне пора приступать к работе. Рада была познакомиться с вами.

Не ожидая его ответа, она открыла дверь и решительно закрыла ее за собой. Потом заперла, сама не зная почему.

Лейн уже видела компьютерную модель этого жилища, но сейчас, действительно оказавшись здесь, она была рада увидеть, что прихожая ярко освещена солнцем, вливающимся в окно. Дальше располагалась лестница, ведущая на второй этаж. Войдя на кухню, Лейн отметила, что может заглянуть прямо в кухонное окно Тони Руссо – его дом располагался сразу за подъездной дорожкой. Сам Тони стоял у стола, распаковывая громоздящиеся на нем коробки.

Боясь, что он оглянется и увидит ее, Лейн быстро отвернулась. «Первым делом мы купим жалюзи на это окно», – решила она.

Рейнджер Коул сидел у постели своей жены Джуди, держа ее за руку. Женщина лежала неподвижно, глаза ее были закрыты, в ноздри вставлены кислородные трубки. Он знал, что второй инсульт скоро отнимет ее жизнь. Слишком скоро. Джуди было всего шестьдесят два года. Разница в возрасте между ними составляла шесть месяцев, и Джуди была старше. Рейнджер всегда шутил, что женился на старухе ради ее денег.

Они были женаты сорок шесть лет. На момент заключения брака им было по двадцать лет, и они были так влюблены друг в друга, что автобус, на котором они поехали во Флориду в недельное свадебное путешествие, казался им роскошным лимузином. Они всю дорогу держались за руки. Ни он, ни она не пошли учиться в колледж. Джуди работала продавцом в «Мейсиз», а Рейнджер подался в строительные рабочие.

«Ее мать не хотела, чтобы она вышла замуж за меня, – думал он. – В школе я постоянно встречал в драки с другими учениками. Слишком быстро и часто пускал в ход кулаки. Я всегда был вспыльчивым. Ее мать была права, но Джуди заставила меня стать спокойнее. Я никогда не злился на нее, ни на единую минуту. Если я начинал, допустим, орать на водителя, подрезавшего меня на дороге, она говорила, чтобы я это прекратил. Укоряла меня, что я веду себя как ребенок».

Они оба жалели, что детей у них не было.

Рейнджер протянул руку и провел загрубевшими кончиками пальцев по лбу жены. «Ты всегда была умнее меня, – думал он. – Именно ты сказала, что мне лучше найти работу в большом городе, потому что в сельском строительстве работа то есть, то нет. Поэтому я пошел работать ремонтником на железную дорогу Лонг-Айленда. Я работал, перемещаясь с одного конца острова на другой. Ты сказала, что это очень подходит к моему имени. Мой отец звал меня Рейнджером – “бродягой” – еще в детстве, потому что я всегда бродил где-то, и совсем не там, где следовало».

Джуди всегда называла его красавцем. «Это шутка», – думал он. Рейнджер был невысок и коренаст, с большими ушами и кустистыми бровями, которые безуспешно пытался подравнивать.

Джуди. Джуди. Джуди.

Гнев закипал в душе Рейнджера при мысли о том, почему у Джуди случился первый инсульт два года назад – когда они узнали, что деньги, которые они вложили в Фонд Беннета, исчезли. Двести пятнадцать тысяч долларов, на которые они собирались купить квартиру во Флориде. Деньги, которые они так старательно копили годами. Они уже присмотрели себе квартирку, которую вполне могли купить. Старушка, хозяйка квартиры, умерла, и ее родные хотели продать жилье со всей мебелью.

Джуди нравилось то, как обставлена эта квартира. «Куда лучше, чем могла бы сделать я сама, – говорила она. – Мы можем оставить все, что у нас есть, здесь. Оно не стоит расходов на перевозку. О, Рейнджер, мне так не терпится уволиться с работы и переехать во Флориду, греться на солнышке... Как хорошо, что нам не придется платить ипотеку, и у нас будут обе наших пенсии и социальная страховка, и если мы не будем шиковать, нам не придется беспокоиться о деньгах».

Как раз в этот момент Фонд Беннета лопнул – как и их мечта купить квартиру. Через несколько недель Джуди постиг первый инсульт, и Рейнджер смотрел, как она мучает себя

упражнениями, пытаясь вернуть подвижность своей левой руке и ноге. Она старалась, чтобы он не слышал, как она плачет по ночам, но он, конечно же, слышал.

В том, что их жизнь рухнула, был виноват Паркер Беннет. Многие не верили в то, что он совершил самоубийство, бросившись в воду с борта своей шикарной яхты. Рейнджер тоже не верил, что этот негодяй мог утонуть. После исчезновения Беннета Коул видел его фотографию в одной из газет: тот сидел за дорогим антикварным столом в своем кабинете. «Беннет скорее ушел бы из жизни сидя за этим столом и попивая дорогой виски, одетый как на той фотографии, а не стал бы прыгать в море, – так размышлял Рейнджер. – Вот только вся роскошь этого кабинета оплачена нашими деньгами».

И Джуди была настолько подавлена, настолько больна, что сдалась. Он знал, что именно поэтому вчера ее настиг второй инсульт. Он знал, что она умирает.

«Не умирай, Джуди. Пожалуйста, не умирай».

Зубцы линии на экране кардиомонитора сделались ниже. Раздался громкий пронзительный писк. Через несколько секунд в палату вбежали врачи и медсестры. Кто-то из них начал нажимать на грудь Джуди, проводя непрямой массаж сердца.

Рейнджер видел, что зубцы на экране, отмечавшие биение сердца, оборвались. Теперь монитор выдавал сплошную ровную линию.

Глядя прямо перед собой, Коул в оцепенении думал: «Я не смогу жить без нее».

Он почувствовал, как на его плечо легла рука.

– Мне очень жаль, мистер Коул, – сказал врач. – Мы ничего не смогли сделать, чтобы спасти ее.

Рейнджер стряхнул руку врача и встал. Потом опустился на колени рядом с кроватью. Не обращая внимания на трубки, все еще торчавшие в ее венах и ноздрях, он обнял Джуди и прижал к себе. Невероятное горе боролось в его душе с убийственной яростью. И ярость победила.

Беннет был жив. Рейнджер был в этом уверен. Он не знал, как собирается заставить Беннета страдать, но намерен был это сделать.

– Я найду способ, Джуди, – сказал он вслух. – Обещаю тебе, я найду способ.

Старший специальный агент ФБР Руди Шелл, сидя в своем офисе в Нижнем Манхэттене, слушал, как один из пострадавших от мошенничества Паркера Беннета рассказывает о предполагаемом самоубийстве Беннета. В отличие от прочих жертв, Шон Каннингем проявлял отнюдь не гнев. Почти с неестественным бесстрашием он доказывал, что если бы Беннет совершил самоубийство в этом районе Карибского моря, его тело почти наверняка вынесло бы на побережье Тортолы.

Каннингем составил подробную карту, на которой были указаны все течения вокруг того места в Акульем заливе, где яхта Беннета была выброшена у северной оконечности Тортолы.

– Если он покончил с собой, его тело всплыло бы возле мыса Роуг, – вещал Каннингем.

Шелл сочувственно слушал сидящего напротив него человека, основателя Ассоциации жертв Паркера Беннета. Каннингем, бывший психиатр, знал, какой опустошающий эффект оказала на вкладчиков фонда потеря их средств. Он поставил себе сверхзадачу – попытаться помочь им приспособиться к изменившимся обстоятельствам. Он специально создал веб-сайт, где призывал потерпевших поделиться друг с другом своим гневом, разочарованием и подавленностью. Резонанс оказался ошеломляющим. Люди, которые прежде были совершенно не знакомы друг с другом, сделались друзьями и время от времени стали устраивать сходки в своих округах.

Каннингем был худощав, он носил очки без оправы, волосы у него были совершенно седыми. «Он выглядит точно на свои семьдесят лет, – подумал Шелл, – на добрых десять лет старше, чем выглядел два года назад, когда мы встретились впервые».

В ходе расследования они стали хорошими друзьями. Некоторые из пострадавших отреагировали на произошедшее тупым неверием, яростью или отчаянием, Каннингем же оставался спокоен. Он потерял миллионный вклад, который сберегал для своих двух внуков. На вопрос Шелла он ответил так: «Мой сын отлично справляется. Он может позволить себе оплатить образование своих детей. Я лишился только счастья оставить им дар, на который они могли бы купить себе свое первое жилье».

За минувшие два года Каннингем тратил изрядную часть времени на то, чтобы консультировать других потерпевших, которым было сложно заново собрать свои жизни после крушения. На данном этапе расследования Шелл не мог сказать доктору, что эксперты ФБР по вопросам судоходства уже пришли к тому же самому выводу. С вероятностью в девяносто девять процентов из ста Паркер Беннет был жив.

Они уже некоторое время назад перешли на «ты».

– Руди, ты пытаешься меня ублажить или действительно считаешь, что так называемое самоубийство было фальшивым? – спросил Каннингем.

– Шон, такая возможность всегда есть, – осторожно ответил Шелл. – И учитывая то, как Беннет ухитрялся скрывать свои махинации от аудиторов и Комиссии по ценным бумагам и биржам, возможность того, что он скрылся, фальсифицировав свою смерть, весьма велика. – Он помолчал. – По крайней мере, до сих пор его так и не нашли.

– Ты слышал, что Джуди Коул умерла сегодня утром? – поинтересовался Каннингем.

– Нет, не слышал. Как реагирует на это Рейнджер?

– Трудно сказать. Я звонил ему. Он говорил очень спокойно. Сказал, что второй инсульт так сильно ухудшил состояние Джуди, что она сама не захотела бы жить, если б осознавала,

насколько все плохо.

– Звучит совершенно не похоже на Рейнджера Коула. Когда мы брали у него показания два года назад, он напоминал одержимого. Думаю, если б тогда он встретился с Беннетом, то убил бы его голыми руками.

– Я буду внимательно присматривать за ним. – Каннингем поднялся. – Оставить тебе мои морские карты? У меня есть еще одна копия.

Шелл даже намеком не выдал тот факт, что составленные экспертами ФБР карты практически полностью совпадали с теми, которые начертил Каннингем.

– Несомненно, я буду рад приобщить их к делу. Спасибо.

Когда гость ушел, Руди откинулся на спинку кресла и привычным жестом провел ладонью по своей щеке. Кожу слегка царапала щетина, уже начавшая пробиваться на лице после утреннего бритья. Шелл улыбнулся, вспоминая, как его дед рассказывал, что в его времена эту щетину называли «пятичасовая тень».

«Она отрастает так быстро, – подумал он. – Когда-то это раздражало меня, но теперь мне все равно. На самом деле это оказывалось удобным, когда мне требовалось работать под прикрытием». Он поднялся и потянулся. Еще один день бесплодных попыток напасть на след украденных Беннетом денег.

«Но мы найдем его, – мысленно поклялся он. – Мы его найдем».

Однако, даже принося эту клятву, он сомневался в том, что сумеет ее исполнить. Внимание ФБР сейчас было сосредоточено на противодействии терроризму, и, учитывая число отдельных людей, за которыми необходимо было следить, ресурсов катастрофически не хватало. На прошлой неделе агент, работавший с Шеллом над делом Беннета, был переведен на другое задание. Руди не хватало духу сказать Каннингему и другим разоренным вкладчикам, что если в ближайшее время в деле не наметится прорыв, то еще большее число агентов, занятых этим расследованием, будут переброшены куда-нибудь еще.

Лейн успела вернуться из таунхауса Беннетов как раз вовремя, чтобы вместе с Глэди отправиться на встречу с де ла Марко. Апартаменты графини находились на углу Пятой авеню напротив музея Метрополитен. Несколько кварталов, непосредственно прилегающих к Метрополитен, были известны как «Миля Чудес».

– Разве это не считается одним из крутых мест Нью-Йорка? – спросила Лейн у Глэди, выходя из такси.

– Считается, – подтвердила Глэди. – Однако в действительности самое крутое место – на пересечении Парк-авеню с Восточной Семьдесят второй улицей. Я побывала там в трехуровневой квартире, построенной для Джона Рокфеллера. Просто дух захватывает. Но, что еще важнее, она обставлена со вкусом. Я сама не сделала бы эту работу лучше... Ну, что мы тут стоим? Холодно же. Давай зайдем внутрь.

Графиня де ла Марко оказалась шикарной блондинкой с фигурой модели из «Виктория'с секрет»^[4].

– Она явно хорошо над собой поработала, – шепнула Глэди, обращаясь к Лейн, когда, пригласив их присесть в библиотеке, графиня вышла, чтобы ответить на телефонный звонок. – Выглядит лет на тридцать, но я-то знаю, что ей под пятьдесят, а волосы она обесцвечивает и наращивает. Когда ей перевалит за шестьдесят, ее лицо начнет буквально разваливаться на части.

Вернувшись, графиня пригласила их совершить тур по ее двухуровневой квартире. В первые несколько минут она обращалась с ними как с навязчивыми торговцами, позвонившими в дверь, но потом Глэди начала продуманно запугивать ее. В итоге графиня смиренно согласилась со всеми ее заявлениями относительно новой отделки и обстановки апартаментов.

После обхода квартиры они уселись за стол в комнате для отдыха, и Глэди принялась набрасывать в блокноте мелкие архитектурные изменения, которые она предложила внести в отделку комнат. В четыре часа дня Лейн начала украдкой поглядывать на часы. «Это может длиться вечно, – думала она, – а мне нужно быть дома к половине шестого».

Именно это время Беттина, чудо-няня ее ребенка, обозначила как окончание своего рабочего дня. Наконец в двадцать минут пятого Глэди поднялась из-за стола.

– Думаю, на сегодня хватит, – коротко произнесла она. – Но позвольте заверить вас, графиня, что, когда я закончу работу, ваше жилище станет одним из самых прекрасных в Нью-Йорке.

– И подумать только, всего за полгода до своей смерти мой супруг оказался столь предусмотрителен, что послушался меня и изъясил свои деньги из Фонда Беннета, – неожиданно промолвила графиня. – Если б не это, то, уверяю вас, я была бы не в состоянии заняться переделкой этой квартиры.

Лейн и Глэди с удивлением посмотрели на нее.

– Я и не знала, что вы вкладывали средства в этот фонд, – тихо сказала Глэди.

– О, мы были лишь одними из множества, – отозвалась графиня. По мере того, как она говорила, ее карие глаза сделались шире, а голос утратил тщательно выверенные светские интонации. – Беннет пригласил на ужин десятерых человек, сделавших самые большие вклады, и нас в том числе. Поднимая первый бокал, он произнес тост за свою жену и

выражался при этом невероятно цветисто. Но позже я проходила мимо библиотеки по пути в дамскую комнату, а дверь была приоткрыта. Он разговаривал по телефону, и было ясно, что он говорит с какой-то женщиной. Он сказал ей, что вскоре она сможет получить все, что когда-либо желала. Именно тогда я поняла, что если он может обманывать свою жену после того, как столь убедительно вещал о своих чувствах к ней, то может оказаться обманщиком и в других делах.

– Вы рассказали ФБР об этом разговоре? – спросила Лейн.

– Рассказала, но у меня сложилось впечатление, что они знали о наличии у него множества подружек, которых он время от времени менял, и кем бы ни была эта женщина, она являлась лишь одной из многих, кому он щедро рассыпал обещания.

Лейн поняла, что должна задать еще один вопрос:

– Как вы думаете, его сын, Эрик, был вовлечен в мошенничество?

Графиня Сильвия вспомнила о том, что ей надлежит вести беседу старательно выработанным тоном великосветской дамы.

– Не имею ни малейшего представления, – вздохнула она.

В половине пятого, спускаясь на лифте, Лейн заметила:

– Глэди, что-то эта история показалась мне скользкой. Вы думаете, Паркер Беннет мог быть столь беспечным, чтобы позволить кому-то подслушать такого рода разговор?

– Конечно не мог, – фыркнула Глэди. – Ходили слухи, что Сильвия де ла Марко, она же Салли Чико из Статен-Айленда, была одной из подружек Беннета. Возможно, таким способом она пытается отвести от себя подозрения. Кто знает... Беннет вполне мог намекнуть ей изъять деньги из фонда, пока дела еще шли неплохо.

Когда в десять минут шестого Лейн вернулась домой, Кэти, как обычно, ждала ее у дверей.

– Мамочка! Мамочка пришла!

Лейн подхватила ее на руки и крепко прижала к себе.

– А кто тебя любит? – спросила она.

– Ты! – хихикнула Кэти.

– А кто будет любить тебя всегда и вечно?

– Ты!

Лейн пропустила между пальцами пряди длинных золотисто-рыжих волос Кэти. «Волосы она унаследовала от меня, – думала женщина. – Но вот эти ярко-голубые глаза – дар ей от Кена».

Едва Лейн поставила Кэти на пол, та потянула ее за руку.

– Я сегодня в садике нарисовала новую картинку, – гордо объявила она.

Рисунок лежал на кофейном столике. Лейн ожидала увидеть изображение какого-нибудь животного, которых Кэти обычно любила рисовать, но на этот раз картинка была иной. На ней довольно похоже была нарисована сама Лейн в куртке, брюках и шарфе, которые были на ней в прошлую субботу, когда они с дочерью ходили в Центральный зоопарк.

Несомненно, у Кэти был необычайный талант к рисованию. Даже мелки, которые она выбрала, живо передавали цвета одежды, бывшей на Лейн в тот день.

Лейн почувствовала, как в горле встает ком. Она хвалила дочь за рисунок, но думала лишь о том, каким одаренным художником был Кен. И едва не сказала: «Ты действительно папина дочка», – но остановила себя, подумав: «Осторожнее. Когда Кэти подрастет, она сама поймет, насколько талантлив был ее отец».

Няня Беттина появилась в доме вскоре после рождения Кэти. Невысокая, худощавая, она в свои шестьдесят с небольшим лет сохраняла энергичность женщины вдвое меньших лет, а в ее блестящих черных волосах виднелось лишь несколько седых прядей. В последний год ей пришлось взять на себя заботу о своей престарелой матери, и потому каждый вечер Беттина спешила на шестичасовой автобус, идущий с автовокзала до ее дома в Нью-Джерси. Лейн была вынуждена поставить Глэди ультиматум: либо она покидает офис ровно в пять, либо ей придется сменить работу. Та неохотно согласилась, хотя регулярно ворчала на тему того, как повезло Лейн, что у нее такая добрая и понимающая работодательница.

Запеченная курица со сладким картофелем уже стояла в духовке, жареная спаржа – на сковороде на плите, стол в обеденном уголке накрыт. Лейн сняла пальто, перчатки и шарф и вместе с Кэти села на диван в их маленькой гостиной. Это было время, которое она специально выделяла, чтобы побыть с дочерью. Входящие сообщения на свой телефон Лейн принимала каждый день с пяти до семи вечера. Ее мать, живущая в Вашингтоне, и близкие друзья понимали это. Среди них ходила шутка, что это правило было принято ради блага Глэди, которой ничего не стоило позвонить Лейн пару минут спустя после того, как та пришла домой. Иногда они спрашивали, почему Лейн не сменит работу. Та всегда отвечала, что Глэди лает страшнее, чем кусается, и что работать на кого-то столь талантливого очень приятно. «Я каждый день учусь чему-нибудь новому, – говорила Лейн. – Она не только великолепный дизайнер, она вдобавок может читать людей, словно открытую книгу. Хотела

бы я владеть таким талантом».

За то время, что они с Кэти ужинали, телефон звякнул дважды, но Лейн просмотрела сообщения только после того, как в половине девятого уложила дочку спать. Оба сообщения пришли от Эрика Беннета – он приглашал ее поужинать с ним вечером в субботу.

Поколебавшись, Лейн отложила свой мобильник, потом снова взяла его. Мысленно она снова видела привлекательного мужчину с чуть ироничным голосом, который водил ее по особняку Беннетов.

Глэди сказала, что считает, будто Эрик *может* ничего не знать о мошенничестве своего отца и быть совершенно ни в чем не виновным. «*Может быть невиновным* – не значит *невиновен*», – подумала Лейн.

Она некоторое время сидела в нерешительности, потом нажала кнопку «перезвонить» на своем телефоне.

– Ты разговаривал с той милой молодой женщиной, которая приезжала сюда вместе с Глэди Харпер? – спросила у сына Энн Беннет. Она вошла в бывшую комнату для завтрака как раз в тот момент, когда он завершал звонок. Беннеты собирались приступить к обычному своему позднему ужину.

– Да, с ней, – улыбаясь, подтвердил Эрик.

– Я искала информацию о ней в «Гугле», – сообщила Энн, усаживаясь за стол и разворачивая салфетку. – Это одна из тех вещей, которые я научилась делать на компьютере благодаря тебе.

Эрик знал, что его мать освоила пользование Интернетом после краха Фонда Беннета – она хотела прочитать все статьи, касавшиеся его отца. Он отказался учить ее тому, как просматривать сообщения в «Твиттере» – там сплошным потоком шли ссылки на него. Они приходили не только от разгневанных вкладчиков, потерявших все свои деньги, но и от юмористов, сделавших Паркера Беннета объектом своих шуточек.

«Припаркуйте свои денежки у Беннета, и вам никогда больше не придется платить подоходный налог», – гласила одна из последних.

Эрик не сказал матери, что тоже «гуглил» информацию о Лейн Хармон.

– И что ты нашла о ней, мама? – спросил он.

– У нее интересное прошлое, – ответила Энн, нервным жестом заправляя за ухо прядь волос.

Глядя на нее, Эрик вспоминал, как выглядели волосы его матери прежде. Она носила их элегантно зачесанными наверх, и седина лишь придавала благородства прическе, безукоризненно сооруженной Ральфом – мастером, обслуживавшим Энн Беннет много лет. Эрик снова ощутил ярость, когда ему вспомнилось, что после того, как мать десять лет была ценной клиенткой салона Ральфа и постоянно оставляла там щедрые чаевые, ее буквально изгнали оттуда. «Ваше присутствие нервирует слишком многих наших посетительниц, которые потеряли деньги, вложив их в фонд вашего мужа», – объяснил Ральф.

В тот день Энн вернулась домой, изо всех сил стараясь сдержать слезы. «Эрик, он даже не извинился», – сказала она сыну. Теперь ее прической занималась стилистка из недорогого салона в Портчестере – раз в неделю она приходила на дом.

Эрик откупорил бутылку «Пино нуар», стоявшую в подставке из уотерфордского хрустала рядом с его стулом.

Мардж О’Брайан, пятнадцать лет служившая у Беннетов домоправительницей и твердо верившая в невиновность Паркера, по-прежнему приходила днем, чтобы приготовить обед и ужин для Энн и прибраться в доме – пусть и не жила теперь здесь, как это было прежде. Одной из главных проблем переезда в Нью-Джерси было то, что придется расстаться с Мардж – она не могла покинуть свою семью, живущую в Коннектикуте.

Эрик знал, что сегодня Мардж приготовила вальдорфский салат и лосося с диким рисом – любимые блюда его матери. Он надеялся только, что Энн съест хотя бы половину порции, а не крошечный кусочек, как обычно в последнее время.

– И что же ты узнала о Лейн Хармон? – снова спросил он.

– Она вдова – ее муж погиб в автокатастрофе еще до рождения ее ребенка. Лейн – дочь Грегори Хармона, конгрессмена, о котором говорили, что у него есть все задатки для того,

чтобы стать вторым Джоном Кеннеди. Но он погиб при крушении частного самолета, на котором вместе с тремя друзьями летел в загородный гольф-клуб. Лейн в ту пору было всего семь лет. Разве не ужасно, что ей дважды пришлось пережить такую потерю?

– Да, ужасно. – Эрик протянул руку и наполнил вином бокал матери. – Тебе, возможно, понравится то, что я пригласил ее поужинать вместе в субботу, и она согласилась.

На губах Энн появилась улыбка искренней радости.

– О, Эрик, это так мило! Она очень симпатичная женщина, и я отметила, что она еще и умна. С ней очень приятно общаться. Быть может, Глэди Харпер и оказывает нам услугу, но она меня пугает.

– Подозреваю, что она пугает всех, мама, даже меня, – пошутил Эрик.

Энн Беннет с любовью посмотрела на сына, сидящего по другую сторону стола. Потом глаза ее наполнились слезами.

– О, Эрик, ты просто копия своего отца. Я так часто вспоминаю о том, как мы с ним встретились – просто по счастливой случайности... Мы оба спускались в подземку по лестнице, шел дождь, и ступени были скользкими. Я оступилась и едва не упала. Паркер шел чуть позади меня. Он схватил меня за талию и прижал к себе. С этого все и началось. Он сказал мне: «Вы такая красивая. Почему мне кажется, что я вас где-то видел?» Я ответила ему, что только что устроилась секретаршей в ту же фирму, где работал он. Мы спустились по лестнице, и Паркер посадил меня на поезд. Несколько дней спустя он позвонил мне и пригласил на прогулку. Вот так все и вышло. Когда твой отец сделал мне предложение, он сказал, что в тот момент, когда его руки обвили мою талию, он понял, что никогда больше меня не отпустит. Я встречалась тогда с другим, но это не имело значения и закончилось в тот же день, когда я встретила твоего отца.

«Быть копией моего отца – это отнюдь не благословение, – подумал Эрик. – Я не могу показаться где бы то ни было без того, чтобы люди не начали на меня оглядываться». Но куда больше его беспокоило то, что мать повторяла эту историю снова и снова. Родители Эрика поженились за восемь лет до его рождения. Его матери сейчас было почти шестьдесят семь лет, и Эрик временами гадал, не начинается ли у нее ранний старческий маразм.

«Еще одна проблема», – подумал он.

– Не подать ли вам кофе в малую гостиную, миссис Беннет? – спросила Мардж, начиная убирать со стола.

«Малой гостиной» теперь именовали помещение, которое когда-то было комнатой отдыха для прислуги.

– Да, подать, – ответил Эрик.

– Я бы выпила еще бокал вина, – произнесла Энн Беннет.

Эрик нахмурился. В последнее время его мать пила слишком много вина. «Этот дом слишком мрачен и заброшен, – подумал он. – Хорошо, что на следующей неделе она переезжает в Монклер. Надеюсь, когда матушка устроится там, на душе у нее станет полегче».

Взяв мать под руку, он повел ее по коридору. Но когда они вошли в малую гостиную, Эрик вздрогнул, увидев, что на каминной полке стоит музыкальная шкатулка, которую когда-то давным-давно подарил матери отец.

Энн Беннет, приподнявшись на цыпочки, сняла шкатулку с полки.

– Я люблю слушать, как она играет. Знаю, я рассказывала, что это был первый подарок мне от твоего отца. Она выглядит дорогой, но в те дни цена ей была всего тридцать долларов.

Мы оба любили танцевать. Танцующие под музыку фигурки в шкатулке – это царь Николай и царица Александра. Но ты, конечно же, это уже знаешь.

«Нет, я этого не знал», – подумал Эрик. Он помнил, что эта изящная шкатулка много лет стояла на туалетном столике матери, но никогда не слышал, как она играет.

Когда Мардж принесла на подносе кофе, Энн подняла крышку шкатулки, и фигурки обреченной четы закружились в танце.

– Не знаю, узнаёшь ли ты эту музыку, – спросила мать. – Это моя любимая песня Ирвинга Берлина. У нее вот такой припев... – Она начала негромко напевать: – «Умолкла песня, но мелодия все звучит...» Жив твой отец или нет, но наша песня не окончена и наша мелодия все звучит, – добавила она тоном, полным эмоций и не оставляющим места для возражений.

Утром в пятницу Лейн, как обычно, зашла в кабинет Глэди и с удивлением увидела, что та размышляет, глядя на образцы краски и лоскутки ткани.

Глэди начала разговор в своей обычной манере. Взяв одну из планок с образцами краски, она заявила:

– Ты была права. Этот глубокий синий цвет – слишком темный для спальни Энн Беннет. Но ты была неправа, предложив взять другой оттенок. Правильнее будет пустить по стенам белые деревянные панели, на высоту примерно в метр. Это подчеркнет синий цвет и будет смотреться весьма эффектно.

– И будет стоить дороже, – напомнила Лейн. – Вы собираетесь сделать это бесплатно?

– Конечно нет. Я подброшу эту сумму в счет, который выставлю нашей графине Ля-ля-ля. Она может себе позволить оплатить его. Я по-прежнему считаю, что этот ворюга намекнул ей изъять деньги из его фонда.

– Я займусь этим, – пообещала Лейн.

– Не спеши так. Это еще не всё.

– Извините.

Глэди взяла пять квадратиков ткани.

– Мне не нравится покрывало и занавеси, которые мы забрали из старой гостевой комнаты в особняке Беннетов. Я заказала вот это. Покрывало, подушки, кроватный подзор, подзор для трюмо, занавеси и кушетку-шезлонг. У этой несчастной женщины будет прекрасная спальня.

– И все это будет включено в счет, предъявленный графине?

– Конечно. Это будет считаться процентом от того, что она получила от Беннета.

Стараясь сдержаться и не покачать головой, Лейн направилась в свой кабинет. Сейчас Глэди примется звонить своим поставщикам и терзать их, дабы убедиться, что все работы будут выполнены вовремя, а заказы придут без единой задержки.

Лейн знала, что это хорошая возможность для короткого телефонного звонка матери. «Мама, наверное, сейчас уже в магазине», – подумала она. Мать Лейн владела антикварным магазином в Джорджтауне и постоянно пыталась убедить дочь переехать туда, обещая, что профинансирует ей открытие собственного дизайнерского бизнеса.

Но Лейн понимала, что еще не готова к этому. «Всего минуту назад я научилась от Глэди кое-чему новому, – размышляла она. – И, кроме того, меня не привлекает жизнь рядом с отчимом».

Мать ответила на звонок сразу.

– Лейн, я как раз собиралась звонить тебе. Как Кэти?

– Отлично. Она становится настоящей маленькой художницей.

– Неудивительно.

– И я тоже в полном порядке, – добавила Лейн.

Ее мать рассмеялась.

– Верить ли, это было моим следующим вопросом, – произнесла Элис Хармон, словно бы защищаясь.

Лейн зримо представила себе мать. Элис Хармон-Кроули была энергичной женщиной, достигшей середины шестого десятка лет. Ее волосы, когда-то такие же золотисто-

каштановые, как у Лейн, теперь полностью поселили, и Элис коротко стригла их «под каре». Она не любила возиться с прической и всегда утверждала: «Можно сделать что-то более полезное, чем стоять перед зеркалом и прихорашиваться». Высокая и стройная, Элис каждый день вставала в шесть часов утра и приступала к занятиям йогой. Она вышла замуж только десять лет спустя после того, как отец Лейн погиб в авиакатастрофе. Отчим Лейн, Дуайт Кроули, вел ежедневную колонку политических новостей в «Вашингтон пост» и считался важной фигурой на местной политической арене. Они с Элис поженились как раз тогда, когда Лейн поступила в колледж. Она была рада, что мать счастлива с Дуайтом, хотя самой Лейн он не нравился. Его представление о дискуссии сводилось к фразе «я говорю, а ты слушай». «Он совсем не похож на папу», – думала она.

Дуайт и Элис были довольно известной четой среди важных шишек в Вашингтоне. И сейчас Лейн спросила:

– Ты на этой неделе была в Белом доме?

– Нет, но нас пригласили туда на следующей неделе, на ужин с испанским послом. А какие у тебя новости?

– Глэди позвонил сын Паркера Беннета. Мы работаем над таунхаусом Энн Беннет в Нью-Джерси.

– Я знаю больше десятка человек, попавшихся на удочку Беннета, – сообщила мать. – Для них это было просто ужасно. Ты познакомилась с его сыном? Многие, особенно Дуайт, считают, что он тоже участвовал в этой афере.

Лейн как раз собиралась сказать, что вечером в субботу Эрик Беннет пригласил ее на ужин, но неожиданно холодный тон матери заставил ее передумать и не поднимать эту тему. Завершив разговор, она призналась себе, что сделала ошибку, приняв приглашение Эрика Беннета. Из-за того, что таунхаус в Нью-Джерси требует дополнительной работы, ей придется ездить туда намного чаще, чем она ожидала. Она знала, что Эрик негласно работает на некую брокерскую фирму и что у него есть квартира в Манхэттене. Но одну из комнат в таунхаусе Энн обставляли для него. По словам Глэди, Эрик сообщил ей, что намерен регулярно оставаться ночевать у матери.

«Пойти с ним на ужин – не очень хорошая идея, – с тревогой думала Лейн. – Почему я не сказала ему, что занята?»

Ей не нравился ответ на этот вопрос, однако так или иначе приходилось быть честной с собой. Эрик Беннет был очень привлекательным мужчиной, и ей хотелось еще раз встретиться с ним.

«Грехи отца не должны падать на сына», – твердо решила она, и затем сосредоточилась на образцах ткани, переданных ей Глэди. Эта ткань предназначалась для отделки спальни женщины, чей муж украл пять миллиардов долларов.

* * *

На заупокойной службе для Джуди, жены Рейнджера Коула, доктор Шон Каннингем сидел рядом со вдовцом. Служба проходила в часовне при крематории. Тело Джуди было кремировано, и урна с пеплом стояла в приделе, на столике, покрытом белой тканью. Рейнджер настоял на том, чтобы самому нести урну и поставить ее на столик.

Каннингему было понятно, что Рейнджер не слышит ни единого слова из всей службы.

Взгляд его был неотрывно прикован к урне, и когда Рейнджер внезапно разразился рыданиями, его бессловесный плач был слышен даже за стенами часовни.

Здесь собралось человек сорок. Каннингем предполагал, что это коллеги и соседи Коулов, однако, когда служба окончилась и все вышли наружу, он опознал среди них нескольких человек, которые, как и Рейнджер, стали жертвами обмана Паркера Беннета.

Один из них, Чарльз Мэннинг, семидесятивосьмилетний адвокат на пенсии, подошел к Каннингему. Кивнув в сторону Рейнджера, крепко сжимавшего в руках урну, он сказал:

– Шон, мне кажется, Рейнджер может сотворить что-нибудь безумное. Вы что-нибудь можете сделать, чтобы помочь ему?

– Мне тоже так кажется, – согласился Каннингем. – Я намерен каждый день беседовать с ним и видеться так часто, как только смогу. Отрицание и гнев – первые стадии принятия горя. И сейчас он определенно находится на обеих стадиях.

– А какая стадия следующая?

– Подавленность. И, наконец, принятие.

Оба повернулись и прямо посмотрели на Рейнджера Коула. Лицо его теперь не выражало ничего. Он пошел прочь от друзей, которые пытались подбодрить его. Никто не пытался остановить его, сознавая, что это бесполезно, – все просто смотрели, как Рейнджер, прижимая урну к груди, сворачивает за угол и скрывается из вида.

Принятие? Шон Каннингем знал, что с Коулом этого не произойдет. Но на что – или на кого – он направит свой гнев?

Шон не знал, что Рейнджер тоже ищет ответ на этот вопрос. Слезы слепили его, он шел по улице, спотыкаясь. «Моя Джуди умерла слишком рано». Неожиданно в памяти его всплыла фраза из Библии. *Око за око, зуб за зуб*^[5].

Теперь он знал, *что* собирается делать.

Агент ФБР Джонатан Пирс (оперативный псевдоним – Тони Руссо) – нанял автофургон, чтобы перевезти мебель, заказанную им для своего нового таунхауса. Он не хотел, чтобы новые соседи видели логотип компании, у которой он взял мебель напрокат. «Если им что-то и известно – я недавно разведен, детей нет, собираюсь открыть новый пивной ресторан здесь, в Монклере. Это послужит объяснением для моих регулярных отлучек. И даст возможность держать Энн и – в меньшей степени – Эрика Беннета под наблюдением».

Джон не сомневался, что Эрик Беннет участвовал в мошенничестве. Как иначе Паркер Беннет мог провернуть это и скрыться? Кто-то должен был пособничать ему.

В последней попытке раскрыть дело, пока оно окончательно не стало безнадежным, суд дал им ордер на прослушивание телефонов Эрика и Энн Беннет, а также на установку записывающих устройств в их жилье и около него.

Руди Шелл внедрил Джона Пирса в качества соседа Энн Беннет.

– Возможно, они скажут друг другу что-нибудь такое, что позволит нам понять, жив Паркер-старший или нет и связаны ли они как-то с этим делом. Я полагаю, что Эрик Беннет может оказаться достаточно хитер, чтобы проверить таунхаус своей матери на наличие «жучков» еще до того, как она въедет туда на следующей неделе. Выждите примерно неделю, а потом под каким-нибудь предлогом зайдите в гости и установите подслушивающие устройства.

Вечером в субботу Кэти сидела, скрестив ноги, на кровати Лейн, в то время как сама Лейн одевалась для ужина с Эриком.

– Ты такая красивая, мамочка, – заметила она. – Я люблю, когда ты надеваешь это платье.

Лейн собиралась надеть черный брючный костюм, но в последний момент сделала выбор в пользу темно-зеленого шерстяного платья, которое, как она хорошо знала, красиво оттеняло ее золотисто-каштановые волосы. Она купила это платье на распродаже в «Бергдорф Гудман», и даже по распродажной цене оно обошлось недешево, но Лейн подкупило неотразимое сочетание красивой ткани и изящного покроя.

Замечание Кэти застало ее врасплох – как раз в этот момент она вдевала в уши маленькие серьги с бриллиантами и изумрудами, которые достались ей в наследство от бабушки. «Почему я надела это платье? – спросила себя Лейн. – Это просто ничего не значащее приглашение на ужин».

Перед ее внутренним взором предстал образ Эрика Беннета. Ей нравился намек на седину в его волосах, намек на иронию в выражении его лица, намек на горечь в голосе, когда он говорил о своем отце...

Голос Кэти прервал ее размышления:

– И эти серьги мне тоже нравятся, мамочка.

Лейн засмеялась.

– Спасибо, Кэти.

«Когда я была в ее возрасте, папа покупал мне детскую бижутерию, – вспомнила она. – Я любила носить эти украшения и делиться ими со своими куклами. Он еще пел для меня ту песенку: “В ушах у ней серьги, на пальчиках кольца, на туфлях серебряные колокольца”».

Кэти росла, не имея возможности услышать, как папа поет ей песни.

Жужжание домофона известило, что Эрик Беннет вошел в подъезд.

– Пропустите его наверх, пожалуйста, – ответила Лейн консьержу.

– Кто это? – спросила Кэти, слезая с кровати.

– Мамин друг. Его зовут мистер Беннет.

Восьмидесятилетняя Вильма Поттерс, живущая в этом же доме, была любимой приходящей няней Кэти – ее активности и проворству могла бы позавидовать женщина вдвое младше нее. Они с Кэти собирались испечь печенье с шоколадной крошкой и почитать книгу, пока девочке не настанет время спать. Вильма встала было, чтобы открыть дверь квартиры, когда Лейн вышла в гостиную и сказала:

– Я сама открою, Вильма.

Лифт располагался прямо напротив ее квартиры. Она слышала, как он остановился, но отворила дверь только тогда, когда звякнул звонок.

С первого взгляда Лейн осознала, что Эрик Беннет выше, чем ей казалось. Немного, но выше. И тут же припомнила, что в день их первой встречи на ней были туфли с более высокими каблуками, чем она обычно носила. Лейн купила их почти случайно, в минутном порыве.

Сначала его лицо показалось ей мрачным, но потом теплая улыбка рассеяла это впечатление. Их приветствия «здравствуйте, Эрик» и «здравствуйте, Лейн» были

произнесены одновременно, когда он переступил порог квартиры.

Кэти подбежала и встала рядом с Лейн.

– Я Кэти Кёрнер, – представилась она.

– А я Эрик Беннет.

– Здравствуйте, Эрик. Рада знакомству, – начала девочка.

– Кэти, что я тебе говорила? – укорила ее Лейн.

– Что я должна называть взрослых по фамилии. Я забыла. – Она повернулась и указала на Вильму Поттерс. – А это моя няня, миссис Поттерс. Мы собираемся печь печенье.

– Ты оставишь для меня одно, когда я привезу твою маму домой после ужина?

– Я оставлю вам два, – пообещала Кэти.

Поцеловав Кэти и напомнив, что девочке надо лечь спать в половине девятого, Лейн в сопровождении Эрика покинула квартиру. Три минуты спустя они уже оказались на улице, и Эрик принялся ловить такси. Через пять минут возле них остановилась свободная машина.

– В прежние дни нас ждал бы автомобиль у подъезда, – сказал Эрик, открывая дверцу перед Лейн.

– Могу вас заверить, что у меня нет привычки к автомобилям с шофером.

«Но у тебя такая привычка есть», – думала она, пока Эрик называл водителю адрес на 56-й улице.

– Вы когда-нибудь бывали в «Иль тинелло»? – спросил он.

– Да, – негромко ответила Лейн.

– Тогда вы знаете, что там тихо, а североитальянская кухня прекрасна.

– Да, знаю.

«Почему это место?» – гадала Лейн. Именно туда они с Кеном постоянно ходили в то время, когда он ухаживал за ней – как и после их свадьбы, в тот короткий год.

– Ваша Кэти очаровательна, – говорил между тем Эрик, – и она очень милая девочка.

Эта тема показалась ей более безопасной.

– Конечно же, для меня она самый прекрасный ребенок в мире.

Эрик помолчал.

– Насколько я понимаю, отец Кэти погиб еще до ее рождения.

– Да, именно так.

«Конечно же, Эрик “гуглил” сведения обо мне, – думала Лейн. – Я же искала в Интернете все, что касается его и его семьи. Особенно его папочки».

Она знала, что отец Эрика от рождения звался Джозефом Беннетом, но в двадцать один год легально сменил имя на «Паркер». Она знала, что он два года учился в Городском колледже Нью-Йорка, получил от колледжа стипендию в Гарварде и заработал степень магистра делового администрирования в Йельском университете. Она знала, что его карьерный рост в брокерской фирме на Уолл-стрит был стабильным и быстрым. К тому времени, как Паркер женился на Энн Нельсон, двадцатидвухлетней секретарше из той же фирмы, он – в свои двадцать семь лет – довольно высоко поднялся по карьерной лестнице.

Когда Лейн и Эрик вошли в ресторан, владелец заведения, Марио, произнес:

– Добро пожаловать домой. – Это было его обычное приветствие давним посетителям.

Но потом, улыбаясь Лейн, он добавил: – Миссис Кёрнер, вы давно у нас не были.

– Знаю, Марио, – отозвалась Лейн, – и я рада вновь прийти сюда.

Марио проводил их до столика. Когда они уселись, Эрик заметил:

– Он назвал вас миссис Кёрнер. Полагаю, вы когда-то приходили сюда вместе с мужем?

– Да. Но это было более пяти лет назад. Хармон – моя девичья фамилия. Я оставила ее для бизнеса.

К столу приблизился официант.

– Вам заказать коктейль или вы предпочитаете вино? – спросил Эрик у Лейн.

– Вино.

– Белое или красное?

– Красное, если вы не против.

– Совершенно не против.

Лейн смотрела, как Эрик изучает винную карту. Когда он сделал заказ, она знала, что им было выбрано одно из самых дорогих выдержанных вин в перечне. Ее отчим был знатоком вин, и когда в Вашингтоне она ходила в ресторан с матерью и Дуайтом, он всегда заказывал лучшие напитки.

«Не дорого ли для того, у кого отобрали все?» – подумала она.

Словно прочитав ее мысли, Эрик произнес:

– Учитывая ситуацию, в которой я оказался, я хотел бы кое-что прояснить. Я никогда не работал на своего отца или вместе с ним. Он хотел, чтобы я справлялся сам, так же, как он когда-то. Может быть, он намеренно держал меня подальше от своей фирмы, понимая, чем все может закончиться. Если отец действительно похитил эти деньги, то он, скорее всего, не хотел, чтобы кто-то предположил, что я в это замешан. – Он посмотрел прямо в глаза Лейн и добавил: – И я не был замешан. Надеюсь, вы поверите в это.

– Если б я считала, что вы во что-то замешаны, меня бы здесь не было, – ответила Лейн.

За ужином они вели разговор, обычный для людей, желающих познакомиться поближе. Лейн рассказала, что училась в Академии Святейшего Сердца^[6] с детского сада и до колледжа, потом поступила в Нью-Йоркский университет.

– Едва поселившись в Нью-Йорке, я поняла, что хочу здесь жить, – объяснила она. – Но после выпуска осознала, что не хочу быть учителем.

– И пошли в Институт моды и технологии, – закончил за нее Эрик.

– Вы многое «нагуглили» про меня.

– Да. Надеюсь, вы не возражаете против этого. Я хотел узнать о вас побольше.

Лейн со смехом отвергла скрытый комплимент.

– К счастью, мне нечего скрывать. – Осознав, как можно воспринять ее слова, она пожалела, что не придержала язык.

– И к счастью, несмотря на общественное мнение, мне тоже, – с улыбкой ответил Эрик и сменил тему: – Каково это – работать у Глэди? Когда она работала над домом в Гринвиче, мне показалось, что она самая невыносимая грубиянка, какую я встречал в жизни. Бедные рабочие съезживались, когда эта женщина входила в комнату.

«Она невыносимая грубиянка, – подумала Лейн, – но я не собираюсь признаваться тебе в этом».

– Мне нравится работать у Глэди, – честно ответила она. – Я знаю, что вы имели в виду, но, верите вы или нет, у нее золотое сердце.

– Знаю... по крайней мере, в некоторых отношениях. Она ведь заново отделяет таунхаус моей матери в Монклере совершенно бесплатно.

– Видите, что я хотела сказать?

За десертом Эрик снова заговорил о своем отце.

– Трудно было бы вообразить отца лучшего, чем мой. Он постоянно был занят, но я и

моя мать всегда были для него на первом месте. Когда я вступил в отряд бойскаутов, то вбил себе в голову, что хочу отправиться в поход. Отец сказал мне, что пойдет со мной. Он купил все снаряжение, научился ставить палатку и нашел место для лагеря в Адирондакских горах. Мы разожгли костер и готовили на нем еду. Все, что мы готовили, сгорело. Когда мы улеглись спать, нам обоим было холодно, и мы не смогли уснуть. Наконец часов в одиннадцать он сказал: «Эрик, ты тоже, как и я, считаешь, что мы оказались в нелепом положении?» Я горячо с ним согласился, и он сказал: «Тогда давай собираться. Мы просто оставим все это барахло здесь. Я позвоню местным властям и скажу, что все это теперь принадлежит им. Они могут выкинуть его, отдать, разыграть в лотерею, все, что угодно».

– Полагаю, вы так и не получили скаутское звание «орла», – улыбнулась Лейн.

– На самом деле получил. Я не хотел быть проигравшим. – Он глотнул кофе. – Лейн, хотя из-за своего отца я потерял множество клиентов, я все еще хороший трейдер и восстанавливаю свое дело. Но я до единого цента отдал все деньги, которые скопил или вложил в правительственные акции, чтобы помочь расплатиться с людьми, потерявшими свои вклады.

– А люди об этом знают?

– Нет. Я потребовал, чтобы это делалось втайне. Я знал, как на это отреагируют: мол, я пытаюсь казаться лучше, чем есть.

– Хоть делай, хоть не делай, все равно проклянут, – задумчиво произнесла Лейн.

– Я тоже так считаю.

На этот раз они поймали такси сразу же, выйдя из ресторана. У подъезда Лейн начала было прощаться с Эриком, но тот сказал:

– Я провожу вас до квартиры.

Когда они поднимались на лифте, он попросил:

– Я обещаю, что не задержу вас, но можно посмотреть, оставила ли мне Кэти те два печенья?

– Я знаю, что она их оставила. Входите.

Печенье лежало на бумажной тарелке, стоящей на кофейном столике. На тарелке Кэти нарисовала смайлик.

Эрик взял одно печенье, откусил и сказал:

– Очень вкусно. Поблагодарите Кэти от моего имени. Скажите ей, что я люблю именно такое печенье, как она испекла, – где много шоколадной крошки. – Он взял тарелку и добавил: – Съем их, когда буду спускаться на лифте. Лейн, этот вечер был для меня очень приятным. А теперь, как и обещал, я ухожу.

Менее чем через минуту Лейн услышала гудение лифта, спускающегося вниз. В коридор вышла Вильма Поттерс. Уложив Кэти спать, она чаще всего сидела в маленькой комнатке в конце коридора и смотрела телевизор.

– Кэти легла спать ровно в половине девятого, – сообщила она. – Вы хорошо провели время?

Лейн поколебалась, потом ответила:

– Да, очень хорошо, миссис Поттерс. Славный вечер.

Мардж О'Брайан сидела в приемной, ожидая, пока ее вызовут в кабинет Руди Шелла. «Что я сделала не так? – нервно спрашивала она себя. – Почему ФБР хочет побеседовать со мной?» Только вчера она съездила в Нью-Джерси, сопровождая автофургон, который увозил из особняка Беннетов вещи, отобранные для нового дома Энн Беннет в Монклере. С помощью Лейн Хармон и двух рабочих, которых Лейн привезла с собой, Мардж распаковала коробки с фарфором, книгами и одеждой, чтобы к следующему дню, когда приедет миссис Беннет, в таунхаусе уже был порядок. Лейн сказала, что покрывало, занавеси и подзоры привезут на следующей неделе, и она приедет присмотреть, чтобы все было сделано правильно.

«Она такая милая женщина, – думала Мардж, – и таунхаус очень красивый. Мебель как будто специально сделана для этих комнат. И в нем очень уютно. Когда мистер Беннет еще не пропал, его присутствие словно бы наполняло особняк жизнью. Но бедная миссис Беннет, оставшись одна в огромном доме, кажется потерянной и жалкой».

Зачем фэбээровцы снова позвонили Мардж вчера вечером? Она уже говорила с ними два года назад. Что они имели в виду, когда сказали, что хотят просто задать ей несколько вопросов? Не думают ли они, что она причастна к исчезновению денег? «Нет, конечно, нет, – подумала она. – Пусть убедятся, взглянув на мой банковский счет».

«Я буду скучать по миссис Беннет и Эрику, – размышляла Мардж – Они всегда были так добры ко мне. Мистер Беннет тоже, – добавила она, мысленно защищая его, – но я его побаивалась. Когда он злился – ух, только держись! И гнев охватывал его неожиданно. Как в то утро, когда на обивке переднего сиденья его нового “Бентли” обнаружилось пятно, потому что шофер пролил кофе, пока ждал хозяина перед домом. Мистер Беннет уволил шофера на месте, а потом вернулся в дом и стал кричать на Роджера, дворецкого, который и порекомендовал этого шофера. “В следующий раз, если я найму одного из твоих тупых дружков и получу из-за этого проблемы, ты тоже вылетишь с работы”, – сказал он. Когда миссис Беннет напомнила: “Паркер, Роджер всего лишь позвонил в агентство, и они рекомендовали этого водителя”, – он накричал и на нее тоже. “Энн, ты когда-нибудь прекратишь относиться к прислуге как к своим друзьям? – рявкнул он. – Жаль, ты никак не можешь понять, что ты больше не девочка на побегушках в колбасном магазине своего отца!”» Однако на следующий день он взял того же шофера на работу, извинился перед дворецким и купил миссис Беннет красивую булавку с бриллиантом. Я видела записку, которую он наколот на эту булавку. Там было написано: “Моей многострадальной возлюбленной”».

– Миссис О'Брайан, мистер Шелл просит вас пройти к нему.

Неспешной походкой Мардж проследовала за мужчиной в строгий кабинет Руди Шелла. Но, войдя в дверь, она с облегчением отметила, что сидевший за столом человек поднялся и с доброжелательной улыбкой приветствовал ее и пригласил присесть. «Он не собирается арестовывать меня», – подумала Мардж. Она быстро поняла, что арест – это последнее, что было на уме у агента Шелла.

– Миссис О'Брайан, прошло почти два года с тех пор, как вы беседовали с нашими агентами. Теперь, когда миссис Беннет переезжает в Нью-Джерси, собираетесь ли вы продолжать работать у нее?

– С сожалением должна сказать, что нет, – ответила Мардж. – Я всегда уйду домой по

вечерам. Но я не смогу ездить из Коннектикута в Нью-Джерси пять дней в неделю, и даже если б она захотела, чтобы я работала на нее с проживанием, я ни за что не согласна жить так далеко от моих внуков. Они – то, что держит меня дома.

Руди Шелл кивнул.

– Могу понять. Пожалуйста, не сочтите, будто я прошу вас проявить нелояльность, но, как вы, должно быть, знаете, Паркер Беннет разрушил множество жизней. Люди, которые доверились ему, потеряли свои дома, пенсионные накопления, возможность помогать родным. Но я прошу вас подумать. Не довелось ли вам услышать, как миссис Беннет или ее сын упомянули, что им известно, жив Паркер Беннет или нет?

Мардж сидела молча. Один такой случай точно был. Всего две недели назад. В тот вечер миссис Беннет кричала на Эрика. Но было бы нечестно рассказать об этом. Если только эти слова не были вызваны стрессом, в котором проходила теперь жизнь миссис Беннет, это означало, что несчастная женщина погружается в пучины раннего маразма. Энн Беннет много раз повторяла одно и то же, и это звучало просто безумно.

– Миссис О’Брайан, – голос Руди Шелла звучал ободряюще, – по вашему лицу я вижу, что вы пытаетесь решить, говорить мне что-то или нет. Пожалуйста, помните, что если Эрик Беннет и его мать не ведали о преступлении Паркера Беннета и никак к нему не причастны, мы готовы публично очистить их имена от сплетен. Ведь очень многие считают, что они оба были замешаны в этих махинациях. Но если вы слышали что-то, что может помочь нам вернуть украденные деньги, вы просто должны поделиться с нами этими сведениями.

Мардж нерешительно начала:

– Меньше недели назад после ужина я слышала, как миссис Беннет кричит на Эрика. Я не хотела подслушивать, но она кричала очень громко.

Ни в глазах, ни в выражении лица Руди Шелла не проявилось ни намека на эмоции.

– И что же она кричала ему?

– Я не могу точно передать ее слова, но там было что-то вроде того: «Эрик, я знаю, что твой отец жив, и ты это тоже знаешь! Передай ему, чтобы позвонил мне. Передай, что мне все равно, что он сделал. Скажи ему, чтобы позвонил мне!» – Мардж сделала глубокий вдох. – Но, понимаете, мне кажется, что миссис Беннет могла впасть в маразм, и возможно, она все это просто придумала себе.

– Может быть, – успокаивающим тоном промолвил Руди Шелл, – однако вы правильно сделали, что поделились этим со мной. Теперь я должен вас попросить: если вы будете беседовать с кем-либо из Беннетов, не рассказывайте им, что мы с вами встречались.

Когда за Мардж О’Брайан закрылась дверь, Руди откинулся на спинку своего кресла. «Я всегда считал, что этот парень замешан в деле, – подумал он. – Даже его мать так полагает. Но как нам теперь это доказать?»

В первую ночь в своем новом доме Энн Беннет спала допоздна. Когда она проснулась, голова у нее была ясной – Энн не ощущала такой ясности уже несколько месяцев. А может быть, с того ужасного дня, когда Паркер исчез со своей яхты.

Он отбыл тогда на выходные в Сент-Джон, где держал судно. Эрик должен был лететь на самолете вместе с ним, но задержался в офисе и мог приехать к отцу только на следующий день.

«Я умоляла Паркера подождать, пока Эрик не прилетит, чтобы выйти в море вместе с ним, – вспоминала Энн. – Он спросил меня: неужели я считаю его таким неумехой? Я достаточно хорошо понимала его, чтобы не сказать больше ни слова. В то утро он отчалил в одиночку. Море было беспокойным. Он так и не вернулся. Его яхту нашли разбитой о скалы в Тортоле».

Она сморгнула слезы, которые так часто проливала, думая о Паркере. Было девять часов утра, пора было вставать. Энн отбросила одеяло, накинула халат, сунула ноги в тапочки и спустилась вниз, на кухню. Она включила кофеварку «Кёриг» и подождала, пока не зажегся индикатор «можно наливать». Не прошло и минуты, как Энн поставила чашку на стол. «Что-то мне совсем не хочется есть», – подумала женщина.

Она выглянула в боковое окно, выходящее на подъездную дорожку. В доме напротив за кухонным столом сидел тот милый мужчина, Тони Руссо, который подошел поздороваться и представиться, когда Эрик вчера привез Энн сюда – через несколько минут после того, как прибыл фургон с вещами.

Тони сказал, что тоже только что въехал сюда и что собирается открыть пивной ресторан на Вэлли-роуд. «А еще он сказал, что не задержит нас, – просто хочет, чтобы я знала, что он каждый день будет разъезжать туда-сюда и что если мне понадобится какая-нибудь помощь, я могу не стесняться и звонить ему».

Лейн говорила, что сейчас изготавливаются жалюзи и что их установят на следующей неделе, когда придет покрывало и занавеси.

На кухонном столе у Руссо стоял компьютер. Энн быстро пересела, чтобы сосед не видел ее. «Если я буду сидеть здесь, мне не придется опускать жалюзи, – решила она. – Я буду опускать их только на ночь».

Она допила кофе и заварила еще одну чашку. Ожидая, снова подумала о словах, которые вырвались у нее, когда она кричала на Эрика на прошлой неделе: о том, что Паркер жив, и они оба это знают.

«Я выпила слишком много вина за ужином, – снова напомнила себе Энн. – Думая, что Паркер все еще жив, я, возможно, принимаю желаемое за действительное». Она по-прежнему чувствовала восторг, который ощутила много лет назад, когда Паркер позвал ее в свой кабинет и пригласил на ужин. Ее ужасно пугало, что с той самой встречи на ступенях подземки всем было очевидно, что она по уши влюбилась в него.

«Он был таким красивым и таким умным... В офисе ходили слухи, что он получил огромную годовую премию. В тот вечер после работы я отправилась прямо в магазин моих родителей, сказать маме и папе, что собираюсь пойти с Паркером ужинать. Мама была рада, папа не принял это всерьез. “Почему бы ему и не пригласить тебя? Ты, должно быть, самая симпатичная девушка в вашей компании. Если он будет вести себя как один из этих

заносчивых бабников и попытается приставать к тебе, обещай, что сразу уйдешь из ресторана и поймаешь такси до дома”. Папа еще больше встревожился, когда увидел, что Паркер приехал за мной на машине. “Ты могла бы встретиться с ним у ресторана и вернуться домой на такси”. К тому времени, как полгода спустя мы с Паркером поженились, папа все еще не доверял ему. Ему не нравилось, что Паркер настоял, чтобы мы обвенчались в богатой церкви Святого Игнатия Лойолы на Манхэттене. Паркер сказал, что не хочет, чтобы его друзья добирались до нашей приходской церкви в Бруклине. Это была пышная свадьба, банкет устроили в “Плаза”. Папу злило, что Паркер взял на себя все расходы, даже оплатил покупку моего свадебного платья – сказав, что не хочет, чтобы я покупала что-нибудь на распродаже в “Мейсиз”. На папу он никогда не производил особого впечатления... Папа говорил: “Энн, меня пугает то, что в глубине души я чувствую: этот парень – жулик. Может, он и сделал кучу денег, но только жулик станет менять старое доброе имя Джозеф на то, что, по его мнению, звучит круто и показывает принадлежность к высшему классу».

Энн улыбнулась. «Когда папа хотел позлить Паркера, он называл его Джо. Мы были так счастливы вместе все эти годы... Каждое утро, уходя в офис, Паркер обязательно говорил мне, как он будет весь день скучать без меня. А я отвечала, что тоже буду скучать без него. Это была наша маленькая шутка. Даже в последний день, перед тем, как улететь в Сент-Джон, он сказал мне: “Я всегда буду страшно скучать по тебе”. Паркер не был религиозен. Что он имел в виду, когда сказал: “Я всегда буду страшно скучать по тебе”? Хотя время от времени Паркер ходил со мной в церковь, он уж точно не верил в загробную жизнь. Он считал, что когда мы умираем, то все заканчивается. Тогда что хотел этим сказать? И почему я кричала бедному Эрику, будто знаю, что его отец жив? Только ли потому, что в тот вечер выпила слишком много вина?»

Энн допила вторую чашку кофе и постаралась подавить ужасную и нежеланную мысль о том, что она вполне могла унаследовать интуицию своего отца.

Утром в понедельник Эрик Беннет вошел в офис Патрика Адамса, основателя фирмы по обеспечению финансовой безопасности, носившей его имя.

Бывший сенатор от штата Нью-Йорк, во время своего десятилетнего пребывания на этом посту Адамс практически на каждом заседании законодательного органа в Олбани подмечал свидетельства коррупции, и это его злило. Решив уйти с должности и как-то решить эту проблему, Адамс открыл агентство финансовой безопасности. За два года он заработал громкую репутацию, успешно раскрывая обман не только в преступлениях, связанных с правительственными кругами, но также и в торговых делах с использованием закрытой информации.

Адамс был изумлен, услышав, что Эрик Беннет, сын знаменитого мошенника Паркера Беннета, договаривается о встрече. Как и большинство граждан, он полагал, что Эрик наравне со своим отцом причастен к краже денег из Фонда Беннета.

Адамсу исполнилось пятьдесят два года, он был крепко сложен и держал себя в форме; изрядно побитые сединой волосы до сих пор не начали редеть. Он буквально излучал ауру уверенности и производил внушительное впечатление.

Тот факт, что Беннет прибыл ровно в десять часов, настроил Адамса в его пользу. Он терпеть не мог людей, хронически опаздывающих повсюду. Однако ему не нравились и те, кто появлялся слишком рано. Это было признаком неуверенности, вызывающим подозрение.

Секретарь проводил Эрика в кабинет. Первое впечатление Адамса от посетителя было благоприятным. Беннет был одет в серый костюм хорошего покроя, манжеты его рубашки были застегнуты неброскими запонками с маленькими черными камнями. Он поздоровался с Адамсом вежливо-сдержанным тоном, и это оказалось неожиданностью – тот ожидал, что Беннет будет нервничать.

Получив приглашение сесть, Эрик занял стул прямо перед столом Адамса.

– Перейду прямо к делу, – спокойно произнес он. – Если только вы не слепоглухонемой – а я точно знаю, что нет, – мне не нужно пояснять, кто такой мой отец, Паркер Беннет, и в чем его обвиняют.

«Обвиняют, – мысленно хмыкнул Адамс. – А может, я точно знаю, что сделал твой отец?»

Его ответ Беннету прозвучал так же прямо:

– Да, мне известны все обстоятельства, связанные с вашим отцом.

– Что ж, тогда вам также известны и обстоятельства, связанные со мной, – тихо сказал Эрик. – В том, что я был вовлечен в это мошенничество, убеждены почти все. Вы согласны?

– Да, согласен.

– Тогда вы должны понять, к чему я клоню. Я абсолютно никак не причастен к краже. Мой компьютер буквально разобрали на части. Все детективные агентства, какие только есть в Америке, работали со мной. Ни одно из них так и не сумело доказать мою причастность. Я очень любил своего отца. Он был замечательным мужем для моей матери и великолепным отцом для меня. Я мог лишь сделать вывод, что он был несколько не в себе, когда совершал эти преступления.

– Это означает, что он был не в себе и пятнадцать лет назад, когда основал Фонд Беннета, – напомнил ему Адамс. – Любому очевидно, что с самого начала это была

тщательно спланированная финансовая пирамида.

– Я понимаю это, – ответил Эрик, и в голосе его проскользнул намек на самозащиту. – Но ФБР так и не удалось найти никаких свидетельств того, что мой отец жив, равно как и узнать, куда исчезли деньги. Я хочу нанять вашу фирму, чтобы расследовать это дело.

– Вы понимаете следующий факт: если мы проведем следствие, оно вполне может привести к тому, что ваш отец проведет остаток жизни за решеткой?

– Понимаю, – отозвался Эрик. Голос его дрогнул, на глаза навернулись слезы. Но потом, вновь вернув себе присутствие духа, он продолжил: – Если мой отец жив, его нужно найти и, конечно же, вернуть обманутым вкладчикам деньги, которые он похитил.

– Или то, что осталось от этих денег, – сухо сказал Адамс. – Предупреждаю вас: если мы согласимся взяться за это дело, затраты будут очень большими.

– Знаю. Я успешный трейдер, и ситуация на рынке сейчас благоприятная. За два года, прошедшие с исчезновения моего отца, я жил очень скромно. И продолжу вести такой же образ жизни, однако благодаря этому я могу дать вам аванс в пятьдесят тысяч долларов. К тому времени, как вы его израсходуете, я смогу заплатить вам еще больше. Если я не смогу платить вам, вы просто приостановите следствие до тех пор, пока я не накоплю достаточную сумму.

Адам ощутил некоторое сочувствие к человеку, сидящему напротив. Но практичная сторона его натуры сразу же взяла верх над этими эмоциями.

– Что, если мы проведем следствие и обнаружим вашу причастность к обману?

– Тогда, я полагаю, вы передадите меня в руки федерального прокурора, – быстро ответил Эрик. – Однако я не боюсь такой возможности.

Гадая, знает ли он, во что ввязывается, Адамс протянул руку поверх стола и сказал:

– Мы возьмемся за это дело, мистер Беннет. И используем все возможные ресурсы, чтобы найти вашего отца живым или доказать его смерть, а также отыскать пропавшие деньги.

Произнося эти слова, Адамс осознал, что его весьма занимает идея получать плату за поиски пропавшего Паркера Беннета. Что же касается Эрика, он рассматривал сразу две возможности: либо тот полностью невиновен, как утверждает, и просто хочет изменить общественное мнение на этот счет, либо виновен, но настолько нагл, что считает, будто они с отцом тщательно все спланировали и теперь смогут избежать когтей закона.

Адамс понял, что расследования по инсайдерским торговым делам теперь выглядят как детская игра.

«Поиски Паркера Беннета будут намного сложнее», – с удовлетворением подумал он.

Он знал, что у него висят на хвосте. Он так спешил скрыться, что перевел большую часть денег с одного счета в швейцарском банке на другой. Номер нового счета он наклеил внутри музыкальной шкатулки, которую подарил Энн много лет назад. Но когда он успешно осуществил свой побег, он осознал, что, как это ни дико звучит, он взял с собой листок, на котором был записан только номер старого счета.

Теперь он с комфортом жил на острове Сент-Томас, в маленькой вилле на берегу Карибского моря. У него была новая яхта, далеко не такая большая и шикарная, как та, которую он бросил дрейфовать возле Тортолы, однако вполне удовлетворительная. Он успешно принял новую личность, которую создал для себя давным-давно, понимая, что она ему пригодится, когда настанет время бежать. Но деньги на старом счете скоро должны были иссякнуть. «Вода, кругом вода, ни капли для питья», – с горечью думал он.

На Сент-Томасе его знали как Джорджа Хокинса, отставного инженера, приехавшего сюда из Англии пятнадцать лет назад.

Каштановый парик, который он носил постоянно, изменил его внешность – как и темные очки и пластичный грим, который он умело накладывал, чтобы изменить форму носа.

Паспорт гражданина Великобритании давал ему возможность, если понадобится, сменить место жительства, причем немедленно.

Дешевый сотовый телефон – от такого не жалко и избавиться в случае чего – зазвонил в его кармане. Почти опасаясь ответить на вызов, мужчина все же нажал кнопку.

– Паркер, дорогой, – произнес женский голос; тон его был непререкаем. – Боюсь, мне скоро понадобятся еще деньги.

– Но я перевел лишний миллион долларов на твой счет три месяца назад, – запротестовал он. Как обычно, гнев сразу сменился страхом.

– Это было три месяца назад. Я заново отделяваю свою квартиру, и мне немедленно нужно еще. Точную сумму я сообщу тебе, когда узнаю ее от декоратора.

Она шантажировала его все два года. Он никак не мог отказать ей.

– Я переешю тебе деньги, – холодно произнес он.

– Я знала, что ты это сделаешь, и хочу, чтобы ты знал: я держу язык за зубами. Пока, милый, я по тебе скучаю.

Он ничего не ответил. Вместо этого завершил звонок и долго сидел на веранде, глядя на Карибское море.

Был прекрасный солнечный день. Океан переливался синевой и зеленью.

Слабая рябь на воде отбрасывала блики на пляж возле виллы. Мужчине нравилось это место. Год за годом он тщательно выстраивал свою здешнюю личность. В частых поездках в Сент-Джон, отлучаясь под предлогом прогулок на яхте, он приезжал сюда. Он усердно культивировал британский акцент, и теперь это стало второй натурой. Друзья, которых он с умом выбрал за эти годы, были полностью убеждены, что он – тот, за кого себя выдает: застенчивый человек, вдовец, любящий парусный спорт. Он говорил им, что работает инженером в Англии. Все прошло без малейшей задоринки, когда он перебрался сюда два года назад и объявил, что вышел на пенсию и теперь будет жить на Сент-Томасе постоянно.

Помимо этого он играл в гольф, причем на удивление неплохо. Он ходил только на

общественные поля – закрытые частные клубы могли вынудить ближе сойтись с другими игроками. «Близкое знакомство чревато неуважением, а в моем случае, возможно, и подозрением», – думал он. Один из тех, с кем он познакомился на общественном поле для гольфа, чтобы играть вчетвером, самозванный любитель всего английского, очень хотел обсудить с ним, сколько у него коллег-инженеров в окрестностях Лондона. Больше Паркер не посещал это поле.

Она знала, что он здесь. Она думала, что у него есть доступ ко всей сумме. Она собиралась доить его вечно. Она любила выпить. Он сам видел, как она напивалась в стельку. Нечасто, но тем не менее у нее была такая привычка. Было в высшей степени вероятно, что во хмелю она может ненамеренно выдать его.

Он не мог позволить этому тянуться и дальше. Пока он живет здесь, ему грозит опасность с ее стороны. Он никогда не думал, что может замыслить убийство человека, но отчаянные времена требуют отчаянных мер, как он сурово себе напомнил.

Это был невероятный риск, но ему нужно было вернуться, забрать номер счета из музыкальной шкапулки и – для полной уверенности в своей безопасности – пустить в ход запасной план и уехать в Швейцарию.

Он не планировал сегодня выходить под парусом, но когда что-то тревожило его, ему хотелось оказаться на яхте, почувствовать себя единым с морем и небом. В конце концов, он заслужил это удовольствие.

Элино́р Беккер была секретарем у Паркера Беннета все тринадцать лет существования Инвестиционного фонда Беннета.

До этого она работала в той же брокерской фирме, что и Паркер. Как-то раз он подошел к ней и сказал, что собирается создать собственную компанию и хочет, чтобы она перешла к нему. В ту пору Элино́р было пятьдесят лет, детей у нее не было.

Принять решение было совсем несложно. Паркер был обаятельным мужчиной и всегда был вежлив с ней. А брокер, у которого она работала, отличался переменчивостью настроения: по утрам он был чрезвычайно мил со всеми, но когда в половине пятого колокол извещал о закрытии торгов, он становился совершенно иным человеком, особенно если дела шли не блестяще. Про себя она именовала его «Джекил и Хайд». По вечерам он все время стоял у нее над душой с требованиями: «Вы уже это сделали? Почему нет? Вы отследили этот курс? Вы вообще что-нибудь можете сделать правильно?»

Элино́р все время хотела спросить у него, почему бы ему не приберечь свои вспышки дурного настроения для жены? Но, конечно, этот вопрос так и остался незадаанным. Вторая жена брокера, на двадцать пять лет моложе его, не потерпела бы такого обращения.

Поэтому Элино́р с величайшим удовольствием подала заявление об увольнении и ушла работать на Паркера. Жалованье на новом месте было куда лучше. На рождественскую премию Элино́р смогла заново обставить гостиную своего скромного домика в Йонкерсе. Когда Фрэнк, ее муж, заболел диабетом, Паркер взял с нее обещание, что все счета за лечение, не покрываемые страховкой, она будет пересылать ему.

«Я никогда не была причастна к финансовым делам компании, верьте или нет», — думала она, оправдываясь. Два года, прошедших с исчезновения Паркера Беннета, были постоянным кошмаром. Элино́р знала, что ФБР считает, будто она причастна к обману. Они целыми часами допрашивали ее. И на прошлой неделе она в течение нескольких часов давала показания перед большой коллегией присяжных. Федеральный прокурор уведомил миссис Беккер, что она стала объектом расследования большой коллегии, и пригласил ее дать показания, если она пожелает. Она несколько часов совещалась со своим адвокатом, Гровером Джонсоном, взвешивая все «за» и «против» такого выступления. Он предупредил Элино́р, что не сможет во время допроса находиться вместе с ней в комнате заседания коллегии. Его также очень тревожило, что все сказанное ею может быть впоследствии использовано против нее, если ее решат предать суду.

Элино́р спросила Гровера, каковы ее шансы на то, что дело обойдется без суда, если она не явится на заседание коллегии. Он честно ответил, что тогда ее дело почти наверняка передадут в суд. «Тогда, Гровер, мне действительно нечего терять. Я намереваюсь сказать правду, и, быть может, они поймут, что я невиновна. Я собираюсь дать показания».

[Купить полную версию книги](#)

Время летит (*лат.*).

Игра слов. Имя «Глэди» (Gladу) можно перевести как «радостная», а придуманное поставщиком прозвище «glad-she's-not» – как «безрадостная».

14-й американский размер одежды соответствует российскому 48-му.

Название одной из наиболее известных в мире компаний по продаже женского белья.

Лев. 24:20.

Академия Святейшего Сердца Иисуса – независимая школа для девочек, основанная римско-католической церковью и имеющая отделения в нескольких городах Америки.